

Вероника Ливанова

А ТЕ, КОТОРЫЕ НЕСЧАСТНЫ

Вероника Ливанова

А те, которые несчастны

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ливанова В.

А те, которые несчастны / В. Ливанова — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Башня – это не ад. Башня – это не сон. Она не у меня в голове. Но на Земле вы ее не найдете. Я – не первая ее пленница. Нас не похищали, мы не умирали перед тем, как оказаться здесь. Мы просто появляемся: кто заснул дома, а проснулся внутри ее равнодушных стен; кто вышел из вагона метро вместе с десятком человек – они попали на платформу, а он – нет; кто шагнул в уютную темноту спальни, а очутился в совсем другой темноте – той, которая растет только в Башне, – она умеет улыбаться и обещать, но слишком голодна, чтобы вечно прятать зубы. Из Башни можно выбраться. Я верю – выход есть. Надо идти. С этажа на этаж. С лестницы на лестницу. Ступенька за ступенькой.

Содержание

А те, которые несчастны	5
I. Ариадна	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

А те, которые несчастны

Башня – это не ад.

Башня – это не сон.

Она не у меня в голове. Но на Земле вы ее не найдете.

Я – не первая ее пленница. Нас не похищали, мы не умирали перед тем, как оказаться здесь. Мы просто появляемся: кто заснул дома, а проснулся внутри ее равнодушных стен; кто вышел из вагона метро вместе с десятком человек – они попали на платформу, а он – нет; кто шагнул в уютную темноту спальни, а очутился в совсем другой темноте – той, которая растет только в Башне, – она умеет улыбаться и обещать, но слишком голодна, чтобы вечно прятать зубы.

Башня – это глаза, следящие за тобой повсюду.

Башня – это коридоры: узкие и извилистые – по таким в Старой Европе любила гулять чума; прямые и широкие – как современные автострады. Это тупики и перекрестки, это лестницы, это комнаты, целые мегаполисы из одинаковых дверей в стенах – за ними может скрываться что угодно – от соломенной хижины до готического собора.

Башня – это кошмары. В стенах живут голоса потерянных людей, а тьма в заброшенных комнатах не сбегает от самого яркого света. Воздух убивает. Вода убивает. Чудовища убивают. Люди делают то же самое, с не меньшей жестокостью.

Башня – это Правила. Первое из них: соблюдай остальные, иначе – пеняй на себя.

Из Башни можно выбраться. Я верю – выход есть.

Надо идти. С этажа на этаж. С лестницы на лестницу.

Ступенька за ступенькой.

I. Ариадна

Лезвие так глубоко вошло в дерево, что пришлось упереться в стену ногой, чтобы его выдернуть. Второй удар обрушился на наличник замка – звякнув, топор отскочил, на металле появилась глубокая царапина.

Этаж был мертвым – и давно. Звук моих шагов эхом разносился по пустым коридорам, подошвы оставляли четкие отпечатки в плотной серой пыли. Еще этот запах. Сразу понимаешь, что этаж мертв, когда слышишь его – неподвижный, затхлый, прокисший – как в комнате, где не проветривали годами, но курили не переставая.

Дверь неохотно поддавалась. Сквозь рубленую рану над замком сочился розовый свет. Я удвоила усилия – эхо повторяло стук топора снова и снова – казалось, рядом трудится целая бригада дровосеков.

Там баррикада – наверняка. Надеюсь, хозяин комнаты сделал половину работы за меня – большинство из них разбирают укрепления, когда жажда становится сильнее ужаса перед тем, что ждет снаружи.

Одно из Правил – не ночуй в коридоре. До темноты всего ничего.

Но дверь открылась. Заминка была в самом начале, пришлось потрудиться, отодвигая что-то тяжелое, – наверняка комод – противно скрипнув, он проехался по паркету, но в получившуюся щель я вполне могла пролезть.

Лишь бы не Библиотека. Не снова – иначе выпастись мне не светит. Буду всю ночь дремать вполглаза среди бесконечных полок, слушая, как головы на них перешептываются, и замирать в ужасе от каждого звука, похожего на шаги, – не Смотритель ли это.

Я сунула топор за боковую стяжку рюкзака, перелезла через комод и задвинула им дверь.

Комната как комната. Обои цвета яичной скорлупы, деревянный паркет. На редкость уродливый женский портрет на стене. Камин слева полон золы и белесого бумажного пепла. В высоких, разделенных на равные квадраты, окнах – лиловое с розовым небо и облака. Солнца, как обычно, не видно. У двери остатки баррикады: обшарпанный сундук, древний пузатый телевизор, диван и пара кресел с гнутыми ножками. Фортепиано. Не знаю почему, но в заброшках всегда так – ни один музыкальный инструмент не бывает целым. Может, конечно, хозяин этой – его кости лежали на диване – и развлекался тем, что выламывал клавиши и резал струны – они торчали из открытой крышки спутанным пучком медных волос. Он сидел здесь неделями, месяцами, обреченный на голодную смерть, что ему оставалось, кроме как сойти с ума? Но как быть с теми комнатами, откуда люди ушли, ничего перед тем не ломая? Гитары и скрипки с расколотыми грифами, треснутые флейты и проржавевшие насквозь саксофоны, струны, везде, где есть, порваны, и так далее. Казалось, тут действует некий закон природы, запрещающий музыке играть в брошенных помещениях – самым радикальным способом.

Хозяин переместился в ящик комода – на диване я планировала спать – перевернув, предварительно, матрас. Кресла ушли на растопку. Я выгребла пепел, сложила шалаш из щепок и подожгла. Когда камин разгорелся, поставила на огонь банку тушенки.

Телевизор работал – пока еда грелась, я отыскала розетку – но показывал белый шум. А ведь когда-то по нему шли передачи, иначе зачем он тут? На Фабрике, где я провела первые несколько лет в Башне, телевизоров не было. Радио я слышала на других этажах – там, где ставили самодельные вышки, звучала человеческая речь, а где подключались к точкам в стенах – одна музыка, тягучая и монотонная, как звон колокола, подвешенного в бассейне с желе, и всегда без слов.

Поеживав, я достала из рюкзака бутылку с водой. Сделала осторожный, выверенный глоток. Эта вода последняя. На мертвых этажах пополнить запасы практически нереально, и кто знает, сколько таких впереди.

В стене напротив камина – поверх нарисованного на портрете рта – открылся глазок. Индикатор был желтым, но времени мало. Я вытащила из клапана треугольный осколок зеркала. Смочила платок драгоценной водой – порция перед сном отменяется – и спешно умылась. Расчесала волосы. Нашла уголек в куче пепла на полу и подвела глаза. Растерла щеки – так они не кажутся сильно бледными. Правило второе: будь привлекательным. Вдвойне, если Они смотрят. Я встала.

Третье Правило – не молчи. Глазок загорелся зеленым.

– Анастасия Беспалова, двадцать пять лет, жилищный комплекс Фабрика. – Глазок тревожно замигал. – Ариадна, – поправила я. Ненавижу это прозвище. По нити, которую я оставляю за собой, идет вовсе не Тесей, способный вырваться из Лабиринта. Или из Башни. – Двести сорок второй день с тех пор, как я покинула Фабрику. – Улыбайся, будто подсказал кто-то. – Вчера ночевала в Библиотеке. Они меня преследуют – та была седьмой за месяц. Книги я, что ли, просрочила? – Попытка пошутить вышла неловкой. – Этот этаж пуст. Как три перед ним. Воды почти не осталось, еды чуть больше, но мертвому она без надобности, верно? – Они не любят, когда жалуются. Глазок, соглашаясь, потускнел. – Зато неделю перед этим гостила в Монастыре. – Изображать радость не потребовалось – воспоминания о тех днях будут долго греть меня в пути. – Там живут хорошие люди – у них всего один источник на этаж, но они делятся поровну – представляете, какая грызня началась бы на Электростанции? А на Пустоши? Где за глоток из тухлой лужи убить готовы? В Монастыре пекут хлеб – давно я такой не пробовала – белый, с коричневой корочкой, если подержать ее на языке, не разжевывая, становится еще вкуснее. – Рот наполнился слюной, я поспешила сменить тему. – Там вас считают богами. Молятся вам. Думают, если быть откровенными на исповеди, вы исполните их просьбы. Вы исполняете? Все их молитвы о воде – так что вряд ли.

Не хамя.

– Меня они не боялись. Может, не поверили. Или им достаточно своих страхов. Прыгун – так они его называют. Я слышала – каждую ночь – пружинистые шаги – тук-тук-тук – как мяч скачет по коридору. И дыхание – свистящее, тонкое, будто воздух выходит из резиновой куклы. – Что еще? – Я пойду вниз: монахи предупреждали, дальше Лепрозорий, и я совру, если скажу, что совсем не боюсь, но делать нечего. В Лепрозории есть Лифт. Или был. Или это сказки – надо проверить.

Если впереди хотя бы три-четыре мертвых этажа, Лепрозория мне не видать. Вода нужна позарез.

– Он идет за мной. – Заинтересуй, добавь интриги, заставь переживать за себя, и, может, завтра тебя ждет целая цистерна. Такое бывало не раз. – Прыгун, Жонглер, Кукольник, Плакса – на этажах всегда придумывают имена чудовищам. Моего зовут Крысиный Король. Я чувствую его – слишком близко – порой волосы на затылке шевелятся, по спине бегут мурашки. Наверное, в те моменты он становится на след – втягивает мой запах семью носами на семи головах. Рано или поздно он меня догонит, какой бы быстрой я не была. – Покажи храбрость. Им нравятся отважные. – Пусть приходит. – Я достала топор и крутанула им в воздухе. Закат сверкнул свежей кровью на лезвии. – Я готова, – соврала я. – И нашу встречу он не переживет. Глазок, ослепительно сверкнув напоследок, погас.

Я еще долго стояла напротив портрета, с топором в опущенной руке. Может, я и выторговала воды, но что отдам взамен? С Них станется устроить мне встречу с Крысиным Королем – да хоть в эту же минуту. Раз я «готова». Я села на диван, положила топор на колени и вытерла вспотевшие ладони о штанины. Хотелось разрыдаться – здесь, в темной, пустой, пропахшей кислым забвением комнате, – от одиночества, от бессилия, от жалости к себе, от страха; хотелось свернуться калачиком на провонявшем безумием диване и сдаться – сразу всем врагам – Им, Крысиному Королю, жажде, голоду, Башне, ее бессчетным лестницам, которые, я была уверена в ту минуту, никогда не выведут на свободу. Да, пусть приходит. Пусть убьет меня,

и дело с концом. Как я устала. Невыносимо. Я чувствовала – физически – как растет во мне отчаянье – будто дурная ползучая трава заполняет тело изнутри – из центра груди к сердцу, рукам, мозгу – вытесняя другие чувства, ломая рассудок, подчиняя себе целиком. Показалось, я слышу пение – двести сорок два дня назад оно сплеталось с криками людей на Фабрике, когда Крысиный Король вышел на жатву. Но, разумеется, показалось.

Топор я не убрала. Лежала с закрытыми – и сухими – глазами и думала о Библиотеках. Не зря они так часто попадают. Порой Они давали подсказки, если ты Им нравишься. Порой просто мучили. Что на этот раз? Достойна Ариадна помощи или давно надоела ее безликим зрителям? Стоит однажды прислушаться к бормотанию – как не хотелось бы забыть, что ряды человеческих голов на полках в принципе существуют.

Мне снились липкие, как паутина, сны – ряды дверей и мертвецы за ними, играющие на сломанных инструментах – сорванные струны скребли о грифы, флейты сипели, смычки елозили по пустым ладам, вместе получалась отвратительная скрипучая какофония, но я знала, *какую*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.